

18+

Ростислав Жуков
Остров Собачьих Надежд

Повесть из собачьей жизни

Ростислав Жуков

**Остров Собачьих Надежд.
Повесть из собачьей жизни**

«Издательские решения»

Жуков Р.

Остров Собачьих Надежд. Повесть из собачьей жизни /
Р. Жуков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745373-2

Эту книгу про собак автор написал, когда ему было 11 лет — почти полвека назад. Впоследствии он неоднократно её редактировал.

ISBN 978-5-44-745373-2

© Жуков Р.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Собачья жизнь	6
Глава 1. Ёшка	6
Глава 2. Буран	8
Глава 3. Кафе «Аромат»	9
Глава 4. Облава на своей шкуре	11
Глава 5. Грозный блеск Сириуса	15
Глава 6. Оповещение	18
Глава 7. Собрание	21
Глава 8. Хорошая новость	24
Глава 9. Некролог	26
Глава 10. 261	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Остров Собачьих Надежд Повесть из собачьей жизни

Ростислав Жуков

*Памяти моего отца
Евгения Ивановича Жукова
(1938 – 1982),
художника и журналиста,
подарившего идею
«Острова Собачьих Надежд»,
посвящается.*

© Ростислав Жуков, 2021

ISBN 978-5-4474-5373-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Собачья жизнь

Глава 1. Ёшка

Стояла морозная зима 19.. года.

3 января утром термометры в посёлке городского типа Л. показывали -30°. Утро было сверкающее, небо – бездонно-лазурное, безоблачное. Дым из труб домов и котельных поднимался строго вертикально, растекаясь в высоком морозном небе.

В такие морозы Ёга Мокроступов – молодой пёс лаечной породы двух лет от роду, прекрасного рыжего окраса, более тёмного на спине и голове и постепенно переходящего в белизну живота, лап и груди, – ночевал в хозяйском доме. Вместе с клубами тёплого пара он вывалился из сразу захлопнутой за ним двери в полутёмный, промёрзший, пахнущий котами коридор в 10 часов утра. Ёшка отряхнулся, понюхал кошачий лаз под дверью, ведущей в мезонин – котов не было – и, трясая задом, скатился по покрытой ледяными нечистыми наростами скрипящей от мороза деревянной лестнице во двор.

Блестящее утро ослепило Ёшку, и он чихнул, воткнув длинную морду в снег и ударив по ней лапой. После этого он снова отряхнулся и, трясая длинным языком, упруго побежал по расчищенной среди огромных, режущих своим блеском глаза сугробов, дорожке, которая вывела его на широкую плотно укатанную дорогу. Промчавшийся «козёл» обдал Ёгу морозной пылью; Ёшка не заметил этого. Морда его, с загнутыми от природы вверх уголками пасти, выражала только добродушную сосредоточенность. Хвост Ёшки, как у истой лайки, был крючком. Ёшка и говорил всегда всем, что он чистокровная русско-европейская лайка.

Но перед тем как направиться к одному из своих знакомых, Бурану, Ёшка зашёл через вмёрзшую в лёд полуоткрытую калитку в огород. Здесь у стены дома стояла, заваленная снегом, его конура, только чернел лаз входа. Ёшка сунул голову в будку. Там было непроглядно темно, зверски холодно и пахло Ёшкой. Ёшка вытащил свёрток газет, принесённых в шесть утра почтовым псом. Газеты заиндевели. Ёшка, стерев с газет иней, развернул «Вечерний перелай».

ПРИМЕЧАНИЕ ПО ХОДУ ДЕЛА. Не следует думать, что речь идёт о какой-то собачьей стране. Описываемые события происходят, как уже было сказано, в обычном человеческом посёлке городского типа. Среди людей собаки, естественно, не могли иметь своего государства. Собачья цивилизация была, как бы, засекречена и существовала сама по себе. О собачьей общественной системе в посёлке Л. будет сказано несколько ниже. А пока, раз зашла речь, следует сказать о собачьей прессе. В посёлке Л. и его окрестностях в те времена выходило семь собачьих газет. Крупнейшей из них был орган Всесобачьего Союза (ВСЕПЁСа) «Вечерний перелай», имевший в то время тираж в тысячу экземпляров и выходивший ежедневно. Из других периодических изданий надо назвать «Собачье время» (550 экз., 4 раза в неделю), «Бродячий вестник» (500 экз., 4 раза в неделю, газета бездомных собак). Два раза в неделю издавались газеты «Собачья жизнь», «Новости собачьего мира», «Собачье утро» и, наконец, раз в две недели издавались «Вести из обществ». Журналы в Л. не издавались. Выходили также кошачьи газеты, крупнейшей из которых была так и называвшаяся «Кошачья газета».

Сегодня на первой полосе «Вечернего перелая» красовался набранный крупнейшим шрифтом заголовок

СНОВА ОБЛАВА

Ниже, несколько мельче, в несколько строчек, стояло:

СОБАЧИЙ МИР ВНОВЬ ОЖИДАЮТ БОЛЬШИЕ НЕВЗГОДЫ. В ЭТУ ХОЛОДНУЮ ЗИМУ, 3 ЯНВАРЯ С.Г., НАЧИНАЕТСЯ, СОГЛАСНО ПРОВЕРЕННЫМ СВЕДЕНИЯМ, 68-Й, НАЧИНАЯ С 19.. ГОДА, ОТСТРЕЛ БЕЗДОМНЫХ И БРОДЯЧИХ СОБАК.

Редакционная статья занимала всю полосу. Как всегда, люди отстреливали всех собак, не сидящих дома, в своих дворах и огородах, на цепи у своих будок, не ведомых на поводке хозяевами и не имеющих специальных регистрационных номерков.

– Тьфу, проклятье, – сказал Ёшка, – опять занялись.

Номерка у Ёшки не было. В конце статьи стоял крупно набранный призыв быть крайне осторожными, не появляться на улице днём, и т. д.

Ёга просмотрел газету до конца. Ничего стоящего не было и в остальных газетах. Ёшка бросил прессу в конуру и побежал к Бурану.

Пробегая переулком Бурантея – Барселона¹, он услышал звонкий лай Бурана. Ёшка вбежал через куриный лаз во двор и через две калитки – в огород своего приятеля.

¹ Переулок был назван в честь самого Бурана и принадлежавшего его же хозяевам знаменитого в Л. кота Барсика (Барселона), описанного в одном из рассказов моего отца Е. И. Жукова.

Глава 2. Буран

– Что ты растягивался? Здорово, – сказал Ёшка Бурану, стоявшему на пригорке. Огород-сад хозяев Бурана занимал весь склон, под которым текла речка Белая. Через неё несколько в стороне был перекинут на высоте 7 – 8 метров подвесной канатный мост, ведущий в парк и отдалённые от центра посёлка Л. кварталы.

– Здорово, – сказал Буран, сходя с пригорка. – Надоели проклятые коты.

Бурану Кошкогонялову было шесть лет. Это был небольшой невероятно лохматый тёмно-бурого окраса пёс, помесь шотландского терьера с карело-финской лайкой. Нрава Буран был брюзгливого и обидчивого, однако вовсе не злого. Буран Кошкогонялов уже два года являлся Предводителем Приречного собачьего общества, куда входило 13 собак.

ПРИМЕЧАНИЕ. Здесь пришла пора сказать и о собачьих обществах. Всего в посёлке Л. и прилегающих деревнях их было 14. Общества имели очень тщательно выверенные подопечные территории, граничащие друг с другом; территории обществ разделялись на подопечные территории собак этого общества. Каждая собака, достигшая 6 месяцев, получала право на свою отдельную подопечную территорию, где являлась хозяином. Территориальные противоречия и конфликты между обществами были очень частым явлением. Особенно характерно это было для обществ в центре посёлка, так как окраинные общества имели возможность увеличивать свою территорию беспредельно. Каждое общество имело своего Предводителя и Заместителя Предводителя, избиравшихся общим собранием каждые полгода.

– Как, Буран, дела? – спросил Ёшка.

– Ничего, – сказал Буран, – в смысле хорошего.

После этого он недовольно замолчал.

– Кто тебе настроение испортил? – спросил Ёшка и, не дождавшись ответа, вытащил из Бурановой будки-бочки «Вечерний перелай»:

– Газеты, что ли, читаешь?

– Ты про облаву, что ли? А что мне читать, я уже две недели тому назад знал, что будет. А они расписывают, когда *уже*, пережёвывают бестолку! – Буран раздражённо подчеркнул слово «уже».

– Что же ты думаешь делать? – спросил Ёшка.

– А что мне думать, как жил, так и буду жить, – сказал Буран. – Что мне отстрел, облава. Это для бродячих теперь тоска начнётся – да и то, кто не дурак, тот уже уехал с товарняками. Теперь-то не уедут никуда, а в такой мороз дальше Николаевки не убежишь. А у меня даже номер есть, – Буран достал из конуры маленький алюминиевый треугольник с дырочкой и выбитым номером: «55» – и бросил его обратно.

– Ну, так он тебе не поможет, если ты его здесь будешь хранить, – сказал Ёшка. – Дай лучше мне, ты всё равно дома сидишь, кроме «Аромата» никуда не ходишь.

– Толку с него, – продолжал ворчать Буран, глядя, как Ёшка привешивает номерок себе на ошейник. – Хлопнут за компанию. Надо голову иметь, а не номерок.

– Да, я сейчас собирался как раз в «Аромат», – продолжал Буран. – Пошли, погреемся?

– Там сейчас неинтересно, – сказал Ёшка. – А вообще, пошли.

Глава 3. Кафе «Аромат»

Кафе «Аромат» было деловым центром и местом общения не только собак Приречного общества, но и всех собак посёлка. Оно находилось под землёй, не слишком далеко от Бурановой резиденции.

Ёшка и Буран скатились вниз по обледеневшей лестнице. В кафе было очень тепло. Оно представляло собой довольно большую комнату, заставленную низкими, специально для собак, столиками. Здесь же был такой же прилавок, за которым сидел хозяин «Аромата» Вулкан Завоев. Вечерами в кафе было не протолкнуться. Сейчас же лишь за одним из столиков сидело шесть незнакомых Ёшке и Бурану псов, которые ели дешёвые кости по 15 рик порция и пили ополоски.

ПРИМЕЧАНИЕ. Здесь надо сказать по поводу ополосков и собачьей денежной системы, которая в посёлке Л. была такой же, как и во всех городах и посёлках, где жили собаки. Ополоски – традиционный собачий слабоалкогольный напиток, не имеющий аналогов у людей. Рик – мелкая разменная монета. 100 рик = 1 рыку.

– Здравствуй, Вулкан, – сказал Буран. – Что это у тебя за публика?

– А это «крестовая шестёрка», – сказал Вулкан. – Приехали на свою беду рано утром, и теперь фиг куда уедут, как в западню попали.

– Дай нам хрящиков за 80 рик, полкило, и две бутылки ополосков, – сказал Ёшка., бросая Вулкану мятые рыки. – Буран, что ты теперь куришь? Ах, ты ведь вовсе не куришь и никогда не курил. Ну, дай мне тогда пачку «Альмы». Да, за рик пятьдесят.

– Молод ты, Ёга, и глуп, – сказал Буран. – На кой они тебе? Ты ведь тоже не куришь.

– А вон ребят угостим, – сказал Ёшка.

Члены «крестовой шестёрки» охотно раздвинулись, и Ёшка вывалил на стол хрящики.

– Здорово, ребята, – сказал он. – Как жизнь-то? Угощайтесь.

– Здорово, – охотно отвечали бездомные псы, все как на подбор тощие, одинакового окраса по причине того, что шерсть их была очень грязная, и измученные от долгих странствий на товарных платформах и в тамбурах, а также в аккумуляторных ящиках под вагонами. От псов исходил неуютный, застарелый запах угольных брикетов, которыми отапливаются вагоны.

– Рем, – представился один из них, – вожак. А это – Рольф, Тузик, Рекс, Арто и Жек. Поганая жизнь, ни черта нет, да ещё морозы эти и облава. А вы здешние?

– Буран Кошкогонялов, Предводитель Приречного общества, – сказал Ёшка, указывая на Бурана. – А я – первый заместитель, Йог Мокроступов.

– И последний, – сказал Буран. – Как же вас угораздило, попасть сюда прямо под облаву?

– Хорошо вам, у вас дом есть... А нам с самого начала не везёт, – простуженным голосом сказал Рем. – Замотались ездить. Мороз такой. Вот и выскочили наугад. А вообще, не здесь, так где-нибудь ещё, какая к чёрту разница. Наше дело пропащее. Нас ведь семь было: «крестовая семёрка». Один замёрз на днях и свалился под колёса.

– Где тут у вас самая дешёвая ночлежка? – спросил Рольф, раздражаясь на упавшего духом вожака.

– У нас тут одна самая дешёвая и всего одна, – сказал Буран, – «Уют», это полтора километра отсюда, в Томатных лесах.

– Представляю, что там за уют, – усмехнулся Рекс, – впрочем, нам всё равно.

– Ну конечно, блох мельче, чем с грецкий орех, там нету, зато дёшево: 12 рик за сутки, – сказал Ёшка. Члены «шестёрки» переглянулись.

– Такой дешёвки нам и хватит на сутки, – опять вздыхая, сказал Рем.

– Ты уже надоел своим нытьём! – Рольф вдруг ударил лапой по столу, отчего купленные Ёшкой хрящики посыпались на пол, и Арто бросился собирать их в кулёк. Дремавший доселе Вулкан поднял голову. – Ноешь ещё с самого Рыбинска, когда тебе дали кирпичом по спине. Лучше б тебе там въехали по голове! Если бы ты не скулил, мы вышли бы в Бежецке, и Дунай не замёрз бы в ящике. А когда он замёрз, от тебя вообще жизни не стало. Если ты будешь скулить ещё, я тебя убью этой вот бутылкой! – крикнул он напоследок.

– Фу, какая ерунда, – сказал Ёшка, начав эту фразу ещё тогда, когда Рольф говорил «убью». – «Убью бутылкой» – это несерьёзно звучит. А во-вторых, она стоит 12 рик, а это как раз заплатить за одно место в ночлежке... В-третьих, вам повезло, что вы сейчас встретили нас с Бураном, и я могу предложить вам прекрасный подвал, тепло, сухо и бесплатно.

– Было бы хорошо, – сказал успокоившийся Рольф, – а то я усну сейчас.

– Пошли, что ли, – сказал Ёшка, – а то мне тоже пора, на обед.

– Куда ты их ведёшь? – подозрительно спросил Буран.

– В одно место, – сказал Ёшка. – Я к тебе зайду завтра утром.

Глава 4. Облава на своей шкуре

На следующее утро Ёшка проснулся на полчаса раньше обычного. Он лежал на нагретом деревянном полу под столом.

Ёшка вздохнул, затрещал суставами и, представив, какой мороз на улице, свернулся клубком, тяжело ударив хвостом по полу.

Вчера он пришёл домой очень рано – в девять часов, и за ночь вышел только один раз: в полтретьего его, как говорил хозяин, «сгребло» – он разбудил хозяина скулением, выскочил в коридор, гулко залаял (брёх резонировал от цинковых корыт, висевших на стенах). Затем постоял неподвижно, глядя в ночь, освещённую газовыми фонарями, после чего со страшным лаем пронёсся один раз вокруг хозяйского огорода, вернулся, снова разбудив хозяина резонирующим тьяканьем, залез под тёплый стол и мертвецки уснул.

Сейчас было уже утро, такое же, как вчера, в комнате было светло, и Ёшка, наконец сбравшись с духом, вышел на улицу.

Небо было такое же ослепительно голубое, и блеск огромных сугробов так же, как вчера, резал Ёшке глаза.

Заходить в огород читать газеты сегодня Ёшке было лень, и он сразу побежал дальше, но не к Бурану, а в центр посёлка.

«Сбегаю к „крестовой шестёрке“, как у них дела», – подумал Ёшка. Вчера он отвёл шестерых псов в действительно хороший подвал нового двухэтажного кирпичного жилого дома.

«Ах, облава же, – вспомнил Ёшка. – Чепуха какая. В такое утро – и облава».

Всё-таки он свернул с широкой центральной улицы и побежал дворами.

Ёшка любил дворы и тонко чувствовал их жизнь. Обычно здесь всегда околачивались собаки, три четверти которых были Ёшкины хорошие знакомые и одна четверть – не очень. Сейчас не было никаких.

Ёшка засмотрелся на переливающиеся снежные икры и, резко остановившись, оглушительно чихнул, подняв столб снежной пыли. Опомившись от сладостного ощущения, он хотел продолжить бег (оставалось немного), но задержался на месте.

В снегу лежал пёс. Очевидно, убили его совсем недавно – пса даже не припорошило снежной пылью. Он был явно мёртв – живой пёс не мог лежать в заведомо неудобной позе, подвернув под себя правую лапу, отставив левую и запрокинув голову.

Ёшку словно током трянуло.

– Рем, – сказал он, зачем-то трогая пса.

Это действительно был Рем, вожак «крестовой семёрки».

Ёшка перевернул пса. Поджатая лапа так и осталась поджатой. Тело пса скрутила каменная судорога. Около подмышки между рёбрами и когда-то белой, побуревшей от вагонной угольной пыли шерсти темнело большое кроваво-бурое пятно.

– Рем... – хотел что-то сказать Ёшка.

Выстрел хлестнул по торчащим из-под снега веткам сирени. Он неожиданности и испуга Ёшка подпрыгнул, щёлкнув зубами и развернувшись на месте. Между полениц он увидел двух людей с охотничьими ружьями. Один из них, только что промазавший по Ёшке, перезаряжал ружьё, второй как раз поднимал ствол, целясь Ёшке прямо в лоб. Увидев вместо ружья одно чёрное отверстие ствола, Ёшка зачем-то машинально посмотрел на висевший на груди алюминиевый номерок.

Громко и жалобно взвывая, Ёшка отпрыгнул далеко в куст сирени, поранившись ветками, перевернулся в снегу и, не слыша грома второго выстрела, бросился бежать прямо по середине центральной улицы.

Ёшка достиг своего дома, ни жив, ни мёртв. На двери висел замок – хозяев не было. Ёшка спустился вниз по лестнице – каждый шаг назад давался с великим трудом – и через несколько секунд он уже был под крыльцом, под защитой бревенчатой стены. Здесь его никто из людей не мог бы обнаружить и достать.

Ёшка уселся на ледяные битые кирпичи (под крыльцом было довольно светло от щелей в полу) и трясущимися лапами развернул только что выдернутые им из конуры непрочитанные утром газеты.

– Фу ты, чёрт, – выговорил Ёшка. Ему всё ещё не верилось в то, что произошло несколько минут назад. Стреляли в него первый раз в жизни. Как хорошо, что тот, первый стрелок, вчера, вероятно, много выпил, раз не смог попасть с десяти метров. Ёшка даже осмотрел себя со всех сторон. Был только оцарапан ветками сирени правый бок. Ёшка прислушался. С улицы доносились обычные дневные размеренные звуки. Выстрелов, как и собачьего лая, не было слышно.

На первой полосе «Вечернего перелая» под крупнейшим заголовком «**ОБЛАВА НАЧАЛАСЬ**» была помещена большая фотография, очень, правда, мутная. Не став в неё вглядываться и пропустив предисловие, Ёшка прочитал следующее:

...Сегодня рано утром в подвале одного из новых домов на территории Центрального общества обнаружено четыре собачьих трупа. Эти псы были убиты спящими вчера, между 18 и 19 часами. Согласно найденным у них документам, это члены группы «крестовая шестёрка», прибывшей в наш посёлок накануне: Арто Шарикович ПЕРЕБЕГОВ, помесь ВЕО и р/е лайки², 5 лет от роду, Жек Шарикович ПЕРЕБЕГОВ, помесь русской гончей и р/е лайки, брат предыдущего, 6 лет, Рекс Тузикович ЗАЛАЕВ, помесь шотландского сеттера и русской гончей, 3 года, Тузик Джекович КИДАЕВ, помесь нечистокровных дога и лайки, 2 года. Согласно показаниям владельца кафе «Аромат» Вулкана ЗАПОЕВА, накануне «шестёрка» была в полном составе. Вожак, Рем ЛАЕВ, и Рольф РЫКОВ пока считаются пропавшими без вести. Все четверо псов были убиты картечью....

– Облава началась, – машинально сказал Ёшка вслух. Сегодня он впервые ощутил давно известное ему слово «облава» на своей шкуре. Нервная дрожь начала постепенно проходить, и новая мысль пришла ему в голову.

– Ведь это ж я виноват, что их убили, – снова вслух сказал он. – Если б я не отвёл их в тот подвал, они наверняка были бы живы. Шесть псов погибли из-за меня.

Прошла минута, в продолжение которой Ёшка стоял на битых кирпичах, тупо глядя в газету.

– Но если б я не отвёл их в подвал, они бы замёрзли на улице, потому что денег на ночлежку у них не хватало, – продолжал Ёшка, – или их убили бы ещё раньше. Я же не знал и не мог знать, что их подстерегало там. Я же хотел как лучше. Я же сам ночевал в том подвале раз семь. Так что я ни в чём не виноват!

Ёшка был действительно молод и долго находиться в подавленном настроении не мог. И сейчас словно гора упала с него. Ёшка швырнул все газеты в дальний угол и вылез из-под крыльца.

Через пять минут Ёшка был во дворе Бурановых хозяев. Ещё подходя, он услышал, что Буран не один. Из огорода доносился чей-то буйный голос. Ёшка вошёл в огород. Буран сидел на снегу, глядя на возбуждённо говорящего что-то пса.

– Ёшка! Здорово! – воскликнул пёс.

² Восточно-европейская овчарка и русско-европейская лайка.

– Рольф! Так ты жив! – Ёшка не верил своим глазам. Пёс был действительно Рольфом, членом погибшей «крестовой шестёрки». От Рольфа сильно пахло помойкой, живот и лапы были в замёрзшей грязи, голова была перевязана нечистой тряпкой. По сильному запаху дешёвейшего вина Ёшка определил, что Рольф был пьян.

– Ёга, вот это номер! Ты тоже жив? – воскликнул Рольф. – А нас всех убили. Как я вчера спал – первый раз за всю зиму было тепло. Так ведь люди-то не спали! Вот надо же так. Кому мы мешали, а? Я спал, вдруг – трах, трах! – я вскочил, кругом дым, Тузик, Рекс, Жек, Арто – все убитые... а Рем удрал через окошко – и я тоже удрал. Так Рема потом тоже убили. А я один жив остался, я теперь сам по себе, «крестовая однёрка»!

Ёшка молчал, совершенно ошеломлённый и подавленный. Между тем Рольф, лапы которого почти завязывались в узел, уже бормотал что-то непонятное.

– Куда его теперь девать, – задумчиво сказал Буран. – В посёлке убьют. Ёга! У тебя есть деньги? А то у меня ни черта, а жалованье дадут только через неделю.

– Отведём его в «Уют», заплатим суток за трое, пусть спит, придёт в себя. Это ж такое горе для него – потерял всех своих друзей.

Ночлежка «Уют» неожиданно оказалась переполненной. Здесь собралось не менее полутора сотен бездомных собак. Хозяин ночлежки, большой друг Бурана Бимбо Лаев, выделил Рольфу резервное место. Рольфа уложили уже спящим, и Ёшка уплатил за пять дней вперёд.

Когда Ёшка с Бураном вышли из ночлежки, вдалеке в морозном воздухе щёлкнули два выстрела.

– Так, ещё кто-то догулялся, – сказал Буран. – Знаешь что, Ёга? Я вот что думаю: надо собрать общество, хотя бы завтра.

– Да, давно не собирались, – сказал Ёшка. – Только где? Не в посёлке же.

– Я думаю, как тогда летом, в Голубниках, – сказал Буран. – У Пакостного ручья. Там, где он впадает в реку, полянка, а кругом заросли, очень хорошо. А добраться можно по лыжне.

– Да, жаль «крестовую шестёрку»... – сказал Ёшка, помолчав. – Ты читал последний номер «Бродячего вестника»?

– Это что, сводку на последней странице? – спросил Буран.

– Ну да, я больше там ничего и не читаю, – сказал Ёшка. – Там указано местонахождение, кроме нашей, погибшей, ещё семи «крестовых шестёрок». Бубновых аж 19! Это ладно, что не регистрируют группы, где менее шести членов: «двойки», «тройки»... Ведь это мы с тобой можем образовать такую «двойку»: «пиковая двойка»!

– Мы не имеем формального права, – сказал Буран, подумав, – мы же не бездомные. К тому же пиковую масть выбирают только бандитские шайки.

– И точно, пиковых вообще нет, я даже удивился! – воскликнул Ёшка. – Вот помню только «пиковый туз» там был. Вожак Аргус Волкодав. Никто не регистрируется. А эти уже ничего, наверно, не боятся.

ПРИМЕЧАНИЕ. Как уже понял читатель, группы собак, именующие себя указанным образом, являлись такими же своеобразными ячейками собачьего общества, как и те общества, о которых было сказано раньше. В отличие от обществ, образуемых собаками, имеющими дом и хозяев, в такие группы объединялись лишь бездомные собаки. Название соответствовало числу собак в группе: «десятка» – 10, «валет» – 11, «туз» – 14. Произвольно присваивалось, таким образом, лишь название масти. Пиковая масть постепенно стала атрибутом лишь разбойничьих шаек, причём самых отпетых; обычно они «маскировались» под какой-нибудь другой мастью. Образованные группы, именуемые «рау» (по-собачьи «игральная карта»), обязаны были еженедельно регистрироваться в периферийных пунктах Собачьего Статисти-

ческого Центра, и данные о местонахождении рау регулярно публиковались на четвёртой полосе «Бродячего вестника».

Рау нужны были бездомным собакам как средство борьбы за существование. Вместе было легче вести добычу пропитания, а рау с числом собак свыше пяти Всесобачий Совет (ВСЕПЁС) регулярно выплачивал небольшое пособие – как правило, 2 – 3 рыка на собаку в месяц. Сложные условия, в которых жили бездомные собаки, побуждали этих собак к постоянным перемещениям с место на место, и они скитались, путешествуя на тормозных площадках товарных вагонов и в аккумуляторных ящиках.

Глава 5. Грозный блеск Сириуса

Ёшка возвращался домой около полуночи. Улицы были пусты. Мороз усилился, небо украшали красивейшие зимние созвездия. Высоко в небе горела яркая звезда Малого Пса – жёлтый Процион, а низко над горизонтом на востоке сверкал огромный, как яблоко, Сириус, альфа Большого Пса.

Ёшку очень занимала эта звезда. Остановившись около проспекта Освобождённых Псов – так собаки посёлка называли узкий короткий кривой переулок, по обе стороны которого стоял ветхий ломаный забор – Ёшка долго смотрел на Сириус.

Это была его любимая звезда. Точней, он и знал только две главные «собачьи» звезды – Процион и Сириус, но Сириус притягивал его гораздо больше. Что-то просыпалось в Ёшке, когда он смотрел на Сириус. Сириус стоял низко, и поэтому казался Ёшке более тяжёлым и значительным, чем все другие звёзды. Ярче него были только планеты, но они Ёшку не интересовали. Сириус горел, пылал, переливался всеми своими яркими цветами, и грозная сила было в его блеске. Что-то просыпалось в Ёшке, когда он долго смотрел на него, и появлялись новые, непонятные и непередаваемые словами мысли.

«Я словно рождаюсь заново, когда смотрю на Сириус», – подумал Ёшка. Он прерывисто вздохнул и повернулся, чтобы бежать дальше. В снегу у забора на Проспекте Освобождённых Псов лежал собачий труп. Ёшка посмотрел на него и молча побежал по освещённой улице.

Окна в доме Ёшкиных хозяев не горели. Сбегая во двор, Ёшка увидел за жидкими смородиновыми кустами у слабо освещённой бревенчатой стены рядом со своей конурой чёрный силуэт лежащего пса. Ёшка вздрогнул, остановился и окликнул его.

«Чёрт, ещё один мёртвый?» – подумал Ёшка с содроганием. Ему вдруг представилось, что убиты уже все собаки, и он остался один.

Ёшка медленно вошёл в огород. Пёс шевельнулся, и Ёшка снова вздрогнул.

– Тьфу ты, дьявол, – неестественно громко сказал он. – Рольф, это ты?!..

– Здорово, – сказал пёс скрипучим голосом. Ёшка услышал сильный запах свежей водки. Рольф был вновь пьян, на этот раз почти мертвецки.

– Здорово, – снова сказал Рольф и как-то особенно, с треском, икнул. Казалось, что у него рвётся всё нутро. – Ёга, это ты? З-дорово.

– Рольф, чёрт возьми! – возмутился Ёшка. – Какого дьявола ты не в ночлежке?! Ты замёрзнешь здесь и подохнешь. Вон я сейчас труп видел.

– Здорово, – сказал Рольф, не глядя на Ёшку. В горле Рольфа потрескивало. Теперь он сидел в снегу, привалившись к конуре.

– Тьфу ты, – сказал Ёшка с досадой. – Теперь веди тебя в ночлежку. Не домой же я тебя поведу, хозяева всё равно тебя не пустят.

– Я тоже видел, – вдруг сказал Рольф. – Четыре трупа. А Рем где? Я не знаю, где он. Он тоже жив, как я.

– Рем убит, – сказал Ёшка, – ты же знаешь.

– Тузик, Рекс, Жек, Арто, – скрипучим голосом перечислял Рольф. – А Рем и я – живые. Я Рема ведь видел сегодня. Он... знаешь помойку в центре?

– Рем убит вчера утром, – сказал Ёшка сухо. – Пошли в ночлежку.

Ёшка медленно вывел Рольфа на дорогу. Рольф, шедший еле-еле, как-то не по порядку ставивший лапы, выйдя на дорогу, сел.

– Пошли-пошли, – не желая ни на секунду останавливаться, сказал Ёшка, толкая Рольфа. Рольф встал было, но лапы разъехались, и он неловко упал, разбив морду.

– Тьфу ты, горе мне, – сказал Ёшка, поднимая Рольфа. Путь до ночлежки «Уют», при нормальном беге занимающий 20 минут, сейчас продлился полтора часа. На всём протяжении

пути по узким, протоптанным среди сугробов тропинкам среди огородов Ёшка не услышал ни одного собачьего взлая. Рольф молчал, и Ёшке придавал сил только безмолвно и ярко полыхающий Сириус.

Без пятнадцати два друга достигли входа в ночлежку. Это был квадратный люк в склоне лесного оврага.

– Наконец-то, – сказал Ёшка. – Сейчас скажу, чтоб тебя не выпускали три дня.

Рольф, сидя на замёрзшей каменной земле, тяжело дышал.

– Ёшка, – вдруг сказал он, – ты видишь, как горит Сириус?

Ёшка вздрогнул и посмотрел на небо. Сириуса, стоящего низко над горизонтом, в лесу, да ещё в овраге, конечно, нельзя было увидеть; только высоко над головой ярко сияли три звёздочки Ориона.

В этот момент Рольф совсем не был похож на пьяного. «Скорей, на сумасшедшего», – подумал Ёшка, глядя в странно сверкающие глаза Рольфа. Совсем недавно они были тусклыми.

– Пошли в ночлежку, – решительно сказал Ёшка, стряхивая оцепенение. Находиться на морозе становилось невыносимо, и лап своих Ёшка уже давно не чувствовал. Он с содроганием посмотрел на истерзанного, покрытого ледяными грязными корками Рольфа, на замёрзшую кровь на его носу, и подтолкнул его в бок, но тот остался неподвижным, как кусок дерева.

– Всем собакам надо уйти, – вдруг сказал Рольф. – Всем нам давно пора уйти... на необитаемый остров. Туда... где нет людей, короче.

Ёшке стало совсем не по себе. Он вдруг ясно представил, что бедный Рольф от горя сошёл с ума. Ёшка распахнул люк, резким усилием впахнул туда Рольфа, который с деревянным стуком скатился вниз по лестнице, и спустился сам.

В этот поздний час все до единого в ночлежке спали. Собак стало намного больше. Спали уже и на полу, грязном и неотличимом от земли. На месте Рольфа спал неизвестно как сюда попавший упитанный молодой кобель. Ёшка, который к этому времени пришёл в необычайное раздражение, за ошейник сдёрнул его на пол, уложил Рольфа на деревянный помост и стал пробираться, не особо церемонясь со спящими, к выходу. Он хотел было сказать дежурному, чтобы тот не выпускал Рольфа в течение трёх дней, но не нашёл никого, кто бы бодрствовал. Всюду спали собаки, почему-то беззвучно, все они казались одинаковыми, и цвет у всех был одинаковый, грязно-бурый. На столе у входа, около единственной горящей свечки, тоже спали два пса.

Ёшка посидел некоторое время, отогреваясь у железной печки, в которой горела сухая ольха. Как ни бросало его в дрожь от одной мысли, что сейчас предстоит бежать два километра по трескучему морозу, мысль о том, чтобы остаться до утра в ночлежке, приводила его в ещё большее содрогание. Хотя и было очень тепло, Ёшку мутило от тяжёлого нездорового запаха, от вида грязного пола и просаленных насквозь стенок. Было тихо, и Ёшке казалось, что все эти собаки давно померли или почти уже померли от какой-то вялой, смертельной болезни. Ёшке вспомнилось освещённое белым газовым светом пугающее безмолвие посёлка, труп на проспекте Освобождённых Псов, грозный блеск Сириуса, непонятные фразы Рольфа, и ему снова пришла мысль о том, что умерло всё живое на Земле...

«Их было две, он сказал две фразы, – вспомнил Ёшка. – Сначала он сказал, обращаясь ко мне, вижу ли я, как ярко горит Сириус, когда Сириуса видно вовсе не было. А потом – «Нам надо уйти... на необитаемый остров». Да, и добавил: «Туда, где нет людей».

Ёшка огляделся. Два пса на столе спали в тех же неудобных, скрюченных позах, потому что стол был для двоих маловат, и Ёшке живо вспомнилась неестественная поза, в которой лежал в снегу мёртвый Рем. Тут Ёшке представилось, что измученный, безумный Рольф не спит, а уже медленно идёт к нему, бесшумно переступая через собак и непонятно блестя глазами.

Ёшка резко вскочил, споткнулся, выскочил в совсем тёмную прихожую, взлетел вверх по дощатой лесенке и выпрыгнул на склон оврага. Мороз схватил его, пробрав до костей, и Ёшка, спотыкаясь, стал карабкаться вверх по тропинке. В лесу было темно, и кое-как были видны густо стоявшие серые стволы деревьев.

Ёшку вконец обуял ужас, и он, издав вопль и ещё пуще испугавшись, побежал с невероятной быстротой, еле успевая уворачиваться от деревьев, чтобы не разбить себе голову. Посёлка он достиг чуть более, чем за десять минут. Через 15 минут размашистого бега он влетел в свой двор.

На крыльце он резко, по укоренившейся привычке, остановился и поднял голову. Все созвездия проделали уже большой путь по небу. Однако Собачьей Звезды Ёшка, к своему изумлению, не увидел. Не веря своим глазам, он машинально продолжил вниз линию пояса Ориона... но вместо Сириуса нашёл только неяркую звёздочку. Ёшка, вне себя, соскочил с крыльца – и в глаза ему ударил невозможно яркий, переливающийся всеми цветами радуги огонь Собачьей Звезды.

«Тьфу ты чёрт, это ж крыша того сарая мешала!» – подумал Ёшка.

Сириус стоял в эту ночь наиболее высоко в небе. Ёшка смотрел на него около полминуты, и страхи его быстро улетучились. Ёшка вбежал, стуча когтями по обледеневшему дощатому полу, в коридор и отчаянным лаем жутко замёрзшего пса разбудил хозяина. Через две минуты Ёшка спал на половике под столом чугунным, беспробудным, непробиваемым сном...

Глава 6. Оповещение

Север был молодой пёс примерно одинакового с Ёшкой возраста. Порода его была та же – лаечная. Окрас он имел более светлый, чем Ёшка – жёлтый, с белыми лапами и грудью. В отличие от Ёшки, характер его был менее легкомысленным: к этому обязывало то, что Север охранял дом и огород хозяев, сидя на цепи, то есть был псом II класса.

ПРИМЕЧАНИЕ. Собаки делились и на так называемые классы. I класс – собаки, имеющие хозяев, но не сидящие на цепи, самая счастливая категория. II класс – имеющие хозяев и обычно сидящие на цепи и охраняющие дом и двор. III класс – бездомные, бродячие собаки.

Север был членом Приречного общества. Он был недоволен однообразием своей жизни. Когда его спускали с цепи, что бывало раза три-четыре в неделю, он неизменно бежал в кафе «Аромат», где тратил два рыка на ополоски, пиво и закуску, а также играл в карты. Единственным его приятелем был Ёшка, но того он видел редко и в том же кафе «Аромат». В гости же к Северу Ёшка прибегал всего один раз, давным-давно, чтобы занять десять рык, тогда-то Север и узнал, что Ёшка, оказывается, его приятель. Позже они сошлись ближе в кафе «Аромат», где Ёшка бывал напарником Севера в игре. Северу казалось, что Ёшка, не будучи цепным псом, живёт жизнью особенной, отличной от его, Севера, скучной цепной жизни, и не судил Ёшку строго за то, что тот проявлял к нему интерес только тогда, когда тому нужны были деньги.

Поэтому утром 6 января Север весьма удивился, увидев бегущего, к его калитке по расчищенной среди сугробов тропинке рыжего Ёшку.

– Здорово, дружище, – как ни в чём ни бывало, сказал Ёшка, вбегая во двор. Манера держаться у Ёшки была такова, что в каждый двор он входил, как в свой собственный. Очувтившись в нешироком, тщательно очищенном от снега дворе Севера, он обежал вокруг него, едва не зацепляясь боком за поленницу, и сел перед конурой Севера. Здесь взгляд Ёшки упал на разложенные на снегу свежие газеты.

– Во, – сказал он, – а я ещё не читал.

И Ёшка углубился в чтение первой полосы «Вечернего перелая».

– Ну, здорово, здорово, – обрадовано говорил между тем Север, переминаясь с ноги на ногу. С появлением рыжего, свободного от сидения на цепи, Ёшки серая скука, концентрация которой по утрам бывала наибольшей, моментально рассеялась. Север вытащил из самого низа поленницы полено, сунул в поленницу лапу и достал за горлышко бутылочку ароматизированных ополосков. После этого, глянув на углубившегося в чтение «Вечернего перелая» Ёшку, он вытащил из-под конуры две разные стопки, выброшенные в своё время на помойку хозяевами Севера. Услышав журчание разливаемых ополосков, Ёшка оторвался от газеты.

– У тебя даже ополоски есть, прекрасно, – сказал Ёшка, как будто это было чем-то необычным (между тем Север был уже пятым, кого он посетил в это утро, и третьим, у которого он пил такие точно ополоски). – Как жизнь-то? – С этими словами Ёшка выпил из своей стопки с розовым ободком.

– Да вот всё скучаю, – застенчиво улыбаясь и глядя на гостя, сказал Север.

– Сегодня создаются благоприятные условия для рассеивания твоей скуки, – сказал Ёшка и, официально посмотрев в глаза Севера, сказал:

– 6 января 19.. года, то есть сегодня, в 23.00 в Голубниках в устье Пакостного ручья будет иметь место собрание общества.

Север не знал, где течёт Пакостный ручей, и в Голубниках тоже не был ни разу (об их существовании он, правда, слышал в кафе «Аромат»), но сознаться в своей неосведомлённости не захотел.

«Побегу вместе с Диком», – подумал он.

– Значит, всё сидишь, – сказал Ёшка, вставая с твёрдого утоптанного снега и дёргая боками от холода. – Ну-ну. Сидишь за забором, на цепи – не убьют. Это уж 100 процентов. А в меня вот уже стреляли, – добавил он с плохо скрываемой гордостью. На морде Севера отразилось такое изумление, что Ёшка почувствовал себя вовсе героем и рассказал Северу о покушении на его жизнь. Он рассказывал эту историю пятый раз в это утро и, естественно, добавлял много вранья. На протяжении рассказа вдалеке, словно подтверждая слова Ёшки, щёлкнул сухой выстрел.

– Короче, в 23.00 у Пакостного ручья, – сказал Ёшка, резко отряхиваясь. – Я пошёл. Мне некогда. До ночи.

Оставив Севера раздумывать над рассказом, восхищаться и завидовать, Ёшка выбежал на укатанную центральную улицу. Здесь он с неудовольствием заметил, что не испытывает больше того безмятежного расположения духа, с каким проснулся сегодня утром.

День был опять такой же солнечный и морозный, небо такое же ярко-лазурное. Ёшка выбежал к старому кладбищу. На этом кладбище, в черте посёлка, люди давным-давно никого не хоронили. Сейчас оно было завалено никем не убираемым снегом, испещрённым птичьими следами. Из сугробов торчали облезлые могильные ограды и чёрные кривые кресты. Внутри кладбища вела, петляя, кошачья тропинка.

За кладбищем был стадион. Внимание Ёшки привлекла серо-зелёная грузовая машина, стоявшая посреди стадиона. Около кузова виднелись два человека. Ёшка остановился и приглядывался. Люди держали за передние и задние лапы собачий труп. Смерть, наверно, настигла безвестную собаку тут же. Мгновение – и труп оказался в кузове. Ёшку передёрнуло, и он поспешно отошёл за растущую между дорогой и оградой кладбища старую серую ель. Люди влезли в кабину, грузовик развернулся и уехал. Облава, значит, шла своим ходом. Ёшка вышел из укрытия, быстро пересёк стадион и в два прыжка добрался до своего дома.

«Вроде, всех оповестил, – подумал он, вбегая во двор. – Буран – шестерых и я – пятерых: Шарика, Запоя, Айду, Налёта, Севера. А Буран – Дика, Джека, Тузика, Мухтара, Линду и Тайгу. Всего-то у нас 13 членов в обществе: 10 псов и 3 собаки».

У своей конуры Ёшка увидел сидящего пса.

– Рольф, это ты? – сказал Ёшка, приближаясь, и услышал знакомый глухой трескучий голос Рольфа:

– Здорово, Ёшка. Я тебя уже полчаса жду.

На Рольфа было жалко и страшно смотреть. Он настолько отощал, что даже сквозь шерсть были видны рёбра. Сама шерсть, когда-то каштанового цвета, топорщилась и висела клочьями и комками. На голове ниже левого уха сбоку видна была глубокая, кое-как затянувшаяся и засохшая рана. Кроме того, на морде Рольфа было ещё несколько старых и новых ссадин; кусочек верхней губы был вырван, и было видно, что зуба под губой тоже нет. Лапы были все в ссадинах, а на левой был сорван шестой прибылой палец. Лапы Рольфа дрожали не столько от похмелья, сколько от слабости.

Ёшка разглядывал Рольфа. Рольф был очень слаб и к тому же простужен.

– Как ты изменился за три дня, – сказал Ёшка. – Бросал бы ты лучше пить. Это уж вовсе ни к чему.

– Да я всё... Я ведь никогда, а тут... – начал оправдываться Рольф. – Больше не буду, а то, наверно, помру. Я ведь вчера к тебе приходил?

– Ну да, – сказал Ёшка. – Ты был уже как сумасшедший. Я тебя отвёл в «Уют».

Ёшка вспомнил странные слова Рольфа про Сириус и про необитаемый остров и вздрогнул.

– Да-да, помню что-то, – сказал Рольф. Он сморщился. Лапы его дрожали и подёргивались. – Как я тебе благодарен, Ёшка. Я б помер, наверно. Как плоха моя жизнь, но жить хочется невероятно...

– Не за что... – сказал Ёшка. – Ты лучше объясни, что ты там вчера говорил про Сириус и про необитаемый остров?

– Я? – спросил Рольф глухо. Он с трудом воспринимал слова Ёшки и временами морщился от боли. – Я ничего не говорил. Что бы я там говорил про Сириус? Это такая звезда. А про остров я вообще ничего не знаю. Что за остров? Я такого не мог говорить...

– Ёга, как всё болит невыносимо, – сказал он через минуту. – И шкура, и все потроха, дьявол их побери.

– Сейчас, – сказал Ёшка. – Иди-ка сюда.

Вместе с Рольфом они влезли под крыльцо. Ёшка достал из тайника аптечку. Рольф жевал таблетки, безучастно глядя в угол, а Ёшка тем временем промывал перекисью водорода его раны. Закончил он свои манипуляции тем, что перебинтовал Рольфу голову.

– Фу ты, как здорово, – впервые слабо улыбнулся Рольф. – Вот спасибо тебе, Ёшка.

– Знаешь что? – вдруг пришло в голову Ёшке. – Приходи сегодня в пол-одиннадцатого ко мне. Пойдём на собрание нашего Приречного общества. Я предложу, и тебя примем в общество. Будешь получать небольшое пособие.

– А так возможно? – спросил Рольф. – Я же бездомный.

– Всё будет нормально, – сказал Ёшка.

Глава 7. Собрание

Голубниками назывался правый берег реки ниже посёлка Л.

Откуда пошло название, неизвестно. Может быть, когда-то здесь была одноимённая деревня. По крайней мере, сейчас никаких следов от неё не осталось. Ближайшая деревня на правом берегу находилась в двух километрах ниже по течению, и называлась она Гнильник.

Главной достопримечательностью Голубников являлось большое действующее кладбище. С берега его не было видно. Чтобы попасть от устья Пакостного ручья на кладбище, нужно было взобраться по склону, поросшему старыми соснами, и по узкой тропинке в молодых ольховых зарослях пройти около ста метров.

6 января вечером на полузаметённой лыжне, тянущейся по берегу реки, появилось много собачьих следов. Без пятнадцати одиннадцать почти всё общество было в сборе. Последними появились Ёшка, Буран и Рольф.

Бурана общество встретило приветливо и шумно. Буран был самый старший по возрасту и пользовался несомненным авторитетом: единогласно переизбирался вожаком уже четыре раза, находясь на этом посту, таким образом, уже более двух лет. Некоторые, правда, посмеивались над его брюзгливостью и обострённой обидчивостью, но положительных качеств у Бурана, несомненно, было больше: образованность, ответственность, спокойный флегматичный склад ума и полное отсутствие жадности и корыстолюбия. Буран был вовсе не стар: ему было всего шесть лет, но выглядел он старше, может быть, оттого, что был очень лохматым и имел больные глаза – у Бурана был хронический конъюнктивит.

Молодой Ёшка, которому едва исполнилось два года, тоже был встречен шумно, в основном его приятелями-одногодками – Запоем, Налётом и Севером, и подругами – Айдой и Линдой. Старшие псы – Шарик, Дик и Тузик, в некоторой мере справедливо считавшие Ёшку безалаберным молодым прохвостом, лишь поздоровались, Мухтар просто кивнул, не подходя, что же касается Джека, то он как сидел на своём хвосте в углу поляны, так и остался сидеть: Ёшка был его заклятым недругом.

Рольфа никто из собравшихся не знал и все, кроме Джека, лишь посмотрели на его перевязанную голову.

Всевозможные излияния, возгласы и обмен новостями (общество в полном составе собиралось редко) продолжались бы долго, если бы Буран не вышел на середину поляны, где горел небольшой костёр – стояла уже ночь.

– Уважаемые члены Приречного общества, друзья, – сказал он. Все немедленно умолкли и обернулись к нему, готовые слушать. – Собрание Приречного общества объявляю открытым. – Секретарь, ведите протокол собрания.

Ёшка с готовностью выхватил из-за ошейника блокнот и раскрыл его, приготовившись писать.

– Наше общество насчитывает 13 членов. Все налицо. Повестку дня собрания я предлагаю следующую. Во-первых – приём в ряды Приречного общества нового члена, Рольфа Рыкова. Во-вторых, предлагаю заслушать подготовленный мной доклад о положении дел. В-третьих – предлагаю обсудить мой доклад и высказать ваши субъективные и объективные соображения по поводу упомянутого положения дел, с тем, чтобы выработать линию, которую следует проводить обществу для успешного отстаивания своих интересов, определить принципы взаимоотношений с другими собачьими обществами, кошками, а также людьми. Предлагаю голосовать за данную повестку дня... Единогласно. Поскольку большинство из нас занято несением нашей сторожевой службы, и время наше ограничено как в связи с поздним временем суток, так и в связи с происходящими событиями, я имею в виду облаву, я предлагаю, раз вы

все согласны с предложенной повесткой дня, немедленно перейти к первому её вопросу. Хочу вам представить Рольфа Полкановича Рыкова, 1970 (март) года рождения, порода – русская пегая гончая, члена погибшей недавно «крестовой шестёрки», о трагической судьбе которой вы все читали в газетах.

Услышав, кто такой Рольф, члены общества зашумели. Все были наслышаны о произошедшей трагедии. На Рольфа сразу посмотрели с интересом и уважением.

– Как, тот самый Рольф Рыков! – воскликнул Мухтар, крупный тёмно-рыжего окраса пёс. – Ведь о вас писали, что вы, вместе с вашим вожаком, Ремом Лаевым, пропали без вести, но потом было опубликовано сообщение о гибели Рема. Мы рады видеть вас живым и – (Мухтар посмотрел на перевязанную голову Рольфа) – почти здоровым.

– Тихо, тихо! – при этих словах Бурана всеобщий шум немедленно прекратился. – Итак, я предлагаю включить Рольфа Рыкова в ряды нашего Приречного общества. Какие будут предложения?

– Предлагаю сначала заслушать самого Рольфа, – сказал Шарик.

Рольф вышел к костру. Он потрогал повязку на своей голове и кашлянул.

– По правде говоря, – хриплым слабым голосом начал он, – не совсем верно говорить – гибель Рема. Он был убит, так же, как Тузик, Рекс, Арто и Жек.

Голос Рольфа задрожал, но он ещё раз кашлянул и продолжал твёрдо:

– Они все были убиты людьми. И по случайности, счастливой или нет, не знаю, мне удалось убежать. Рану, что на моей голове, я получил от брошенного камня примерно через час в тот же день. Как вы понимаете, бросил камень тоже человек. Причём не участвовавший в облаве, иначе он бы стрелял. Вы все тут имеете хозяев. Людей. Они вас кормят, заботятся о вас, и вы живёте в тепле. Против людей, значит, вы вряд ли лично имеете что-то, как я думаю. Я же против людей. Я их ненавижу, это мои враги, и их нужно убивать, как они нас убивают, и убить всех до единого. Я вам это хотел сказать.

– Я сейчас одинок, – сказал Рольф, – те псы, которых убили люди, были для меня совсем как родные, потому что я не знаю ни своей матери, ни отца, отчество себе я придумал сам, как и фамилию, а год рождения, тем более месяц, приблизительны... И наша сила, наверно, только в единстве, больше нам ничего не остаётся. Я хотел бы вступить в ваше общество, чтобы стать более сильным, чем я есть, и обрести новых друзей взамен убитых. У меня уже есть два друга – Буран и Ёшка, которые в эти дни много обо мне заботились. Я хотел бы, чтобы и остальные стали моими друзьями. У меня всё.

– Предлагаю голосовать, – сказал Буран. – Кто за?

Лапы подняли все, кроме Джека, который немедленно зачислил Рольфа в стан врагов – ведь он был приятелем Ёшки.

– Секретарь, запишите: 12 – за, – сказал Буран, заглядывая в Ёшкин блокнот и глядя, как он пишет. – Абсолютным большинством голосов Рольф Рыков зачислен в ряды Приречного общества. Поздравляю вас с этим событием в вашей жизни, – сказал Буран под радостные возгласы собак. – В ближайшие дни вы получите удостоверение члена общества, вам подберут объект для охраны, жильё, и вы будете получать жалованье. Жалованье у нас 35 рык в месяц. Через год – 40 рык.

– Повестка дня по первому вопросу исчерпана, – продолжал Буран. – Переходим ко второму вопросу. Предлагаю вам...

Буран не успел договорить: «заслушать доклад». Со склона из-под старых сосен грохнул залп пяти охотничьих ружей, и пять зарядов картечи ударили по поляне и собравшимся на ней собакам. Одним из зарядов был убит наповал Мухтар Взлаев, который стоял на самом освещённом месте. Блокнот вместе с карандашом вылетел из лап Ёшки, и Ёшка почувствовал сильный удар в скулу. Ёшка с воплем отлетел в сторону, упав в сугроб. Вокруг слышались

испуганные крики и визг перепуганных собак. Поднялась паника. Собаки метались, сбивая друг друга, падая в снег и путаясь в ивовых кустах.

Второй залп получился смазанным – люди разделились и быстро приближались, спускаясь со склона с разных сторон, отрезая собакам путь к реке. Услышав треск тяжёлых шагов, Ёшка, вырвавшись из оцепенения, выскочил из сугроба и, указывая путь остальным собакам, пулей вылетел на припорошённый снегом речной лёд.

Со вторым залпом у людей вышла неудача – заряд картечи полностью разметал костёр, и наступила темнота. Собаки стремительно удирали по льду реки, под неподвижными зимними звёздами.

Глава 8. Хорошая новость

– Эти проклятые газетчики мне надоели пуше всего, – сказал Буран, разворачивая газету «Вечерний перелай» и размеренно, обеими лапами, бросая её на снег. Вот артисты. «Расстрел Приречного общества». Словно радость великая. Может, кому и радость, в самом деле?.. Ещё б покрупней напечатали.

Ёшка тупо посмотрел на газету. Скула его, облитая йодом, сильно болела. Несколько часов назад оттуда вытащили кусок ивовой ветки, наверно, отколотый картечью. Ёшка до сих пор чувствовал себя котом, которого только что ошарашили по хребту длинным гулким осиновым колом.

– Кого убило? – хрипло спросил он, мутно глядя на Бурана.

– «Убило» – так говорят, когда внезапно молния попадает в башку, – ядовито сказал Буран. Он вытащил из-под себя перебинтованную заднюю лапу.

– Убили, значит, – нервно сказал Ёшка. – Я что-то не пойму, что у тебя за эмоции.

– А, эмоции? Эмоция тут может быть одна: хорошо, что самому кишки не выпустили в Голубниках. Если сдыхать, так где-нибудь здесь, поближе к дому. Хоть хозяева в землю закопают.

Ёшка с раздражением плюнул и отвернулся.

– Интересно, где Рольф? – продолжал Буран тем же ядовитым тоном. – Наверно, опять наакался какой-нибудь гнилухи и теперь пьян, как мартовский кот, впервые понюхавший пробку от пузырька с валерьянкой.

– Может, его убили? – тревожно сказал Ёшка.

– Убит только Мухтар, – сказал Буран.

– Как, разве? – воскликнул Ёшка.

Буран потянул газету за край, стряхнув с неё ледяной шарик Ёшкиного плевка, и на минуту углубился в чтение.

– Убит Мухтар, – сказал он после, с новой злостью отшвыривая скрипящую от мороза газету. – Тяжело ранена в позвоночник Линда, которую псы сумели дотащить до её дома, ранены Шарик, Налёт, Тузик и Буран, то есть я.

– А я? – сказал Ёшка, показывая скулу.

– Разве ж это рана, – сказал Буран.

– Здорово, ребята, – громко и нестройно раздалось вдруг со стороны куриного лаза.

Буран и Ёшка обернулись. В огород последовательно вошли Налёт, Дик и Запой. Налёт, белый с охристыми пятнами пёс с очень чёрным носом, хромал сразу на две передние перебинтованные лапы.

– Здоровеньки, – сказал Налёт. – Дик, смотри, они уже пьяные.

– Да Ёга особенно. Готовый! – сказал Дик, маленький кучерявый пёс-болонка.

Запой – ярко-чёрный с белой грудью пёс – не сказал ничего.

– Ребята, да вы что! – воскликнул Буран, вставая. С него моментально слетел прежний язвительный тон. – Вы, наверно, точно, пьяные. Дик! Тебе-то уже пять лет. У вас головы есть? Припёрлись гурьбой! Ёшку-то мои хозяева давно знают, как и его хозяев. А вас – нет, и может быть скандал. Стрелять в вас тут, конечно, никто не будет, но метлой по бокам получить можете.

– Ну чего ты бузишь, ну! – Налёт шутливо надвинулся на Бурана и пихнул его в грудь, отчего тот с морозным хрустом сел на газету.

– Налёт, он не рад, что мы пришли, – сказал Дик. Глаз его не было видно из-под кучерявой серебристо-белой чёлки.

– Тогда мы уйдём, – сказал Запой. – Нам тут не рады.

Тут Ёшка с Бураном действительно ощутили исходивший от кого-то из гостей запах спиртного.

– Ребята, да что такое? – воскликнул Буран, глядя то на одного, то на другого, то на третьего.

– А правда, чего вы пришли так все сразу? – спросил Ёшка. – Сейчас полдень, и облава!

– Облава кончилась, – сказал Запой.

Глава 9. Некролог

7 января, как и несколько следующих дней, были временем всеобщего собачьего ликования. На улицах стали изредка, а потом всё чаще появляться собаки. Несколько обществ устроили шумные банкеты в кафе «Аромат». Веселье в нём достигло такой силы, что разгулявшихся псов пришлось утихомиривать спешно вызванному отряду собачьей специальной полиции ВСПЁСа «Шерл», но и потом кафе продолжала осаждать огромная толпа забывших всякую обычную конспирацию псов; пять собак было покалечено и убит ненароком влезший кот.

Ёшку, Налёта и Дика в эти дни можно было видеть во всех точках посёлка и окрестностей: они принимали активное участие во всех сборищах и заварушках. Рольф куда-то исчез ещё с памятного собрания в Голубниках, но Ёшке было не до него. Ёшка жил деятельной, кипучей жизнью: участвовал во всеобщей драке в Сейном лесу, в которой с обеих сторон приняло участие до 80 псов; в разгроме редакции и типографии бульварного еженедельника «Собачье утро», опубликовавшего клеветнический материал в связи с известным делом Джерри – Апсо – Тукая – Волгада, к которому Ёшка, как и кто-либо из Приречного общества, никакого даже косвенного отношения не имел – тем не менее, именно Ёшка первым ворвался в типографию, сбив с ног двух опешивших наборщиков, и опрокинул первую кассу со шрифтом; в разгоне полутораста котов, собравшихся отметить какой-то свой праздник, – от этого подвига на морде и ухе Ёшки появились две свежие глубокие царапины; в поездке более сотни собак на товарных платформах в соседний посёлок З., близ которого состоялся колоссальный пир, оплаченный местными обществами, которые и пригласили соседей отпраздновать окончание облавы, а заодно и 10-летие заключения мирного соглашения между собачьими обществами двух посёлков – в овраге, в котором происходило гулянье, и вокруг него целый день валялись пьяные псы, из которых четверо замёрзли насмерть; и, наконец, в шумнейшем и буйнейшем праздновании 28-го дня рождения самого старого пса в посёлке Л. Аргуса Завойского.

Буран в эти дни, напротив, как обычно, не выходил за пределы своего огорода и спал как в хозяйском доме, так и в конуре-бочке. Его поведение, как во время облавы, так и после неё, не менялось. Буран читал газеты, которые почтовый пёс приносил ему в 6 часов утра и в 11 вечера. О разгроме «Собачьего утра» Буран тоже узнал из газет.

– Следует отметить беспрецедентно наглое поведение Ёги Мокроступова, известного хама, хулигана и проходимца из Приречного общества, – усмехаясь в усы, читал Буран в «Вечернем перелае». – Любимая Ёгина газета. – Ущерб, причинённый только им одним, оценивается более чем в 800 рыков. – Ну, будет Ёга платить!

– Среди пьяной толпы, набросившейся на мирное собрание котов, кошек и котят, отчётливо выделялись известные бандиты-рецидивисты Налёт Воелунский, Дик Захвостьев и Ёга Мокроступов. Действия последнего, ярого врага всех демократических кошачьих обществ, отличались особенной разнузданностью и агрессией, – читал Буран в «Кошачьей газете». – Бандит – это как раз то слово.

– Из 275 псов, собравшихся в Круглом лесу, не осталось ни одного трезвого, – читал далее Буран в «Вечернем вестнике». – Если бы люди узнали об этой вакханалии, то хватило бы четверых человек с охотничьими ружьями, чтобы перебить всех до единого: уйти никто был бы не в силах.

– ...пёс, упившийся до такой степени, что, провалившись в ручей под лёд и, будучи проташен течением на десять метров ниже, где его выловили в большой полынье на мелководье, причём он даже не очнулся, был никем иным, как Ёгой Мокроступовым, известным пьяницей, аферистом и воров-рецидивистом, позорящим имя Приречного общества и его предводителя, глубоко всеми уважаемого Бурана Кошкогонялова.

Буран перевернул страницу.

Январский солнечный день был великолепен. Мороз уменьшился, небо было в лёгкой дымке.

Метрах в 50 от себя, за уходящим вниз склоном, на котором располагались укрытые неприступно искрящимися сугробами грядки хозяйского огорода, Буран видел круто поднимающийся над узкой чёрной полоской Белой речки, которая не замерзала в самые сильные морозы благодаря своему быстрому течению, противоположный склон Белореченской поймы, покрытый чёрной паутиной кустов раkitника. Выше росли старые лиственницы – там начинался парк. Белая речка служила естественной границей между подопечными территориями Приречного и Паркового обществ, и конфликтов с Парковым обществом Буран, таким образом, никогда не имел. Оба склона соединял подвесной канатный мост, всегда мелко трясушийся под ногами людей и потрескивающий под лапами собак.

Парк вдавался узким мысом и затем быстро расширяющимся полуостровом между большой рекой и впадающей в неё Белой речкой. Устье Белой речки также просматривалось из огорода. Летом в парке было чудесно. Сейчас он был завален снегом, только по прочищенным тропинкам двигались чёрные фигурки людей и собак. Буран оторвал взгляд от парка и снова принялся за чтение «Вечернего перелая».

ЖЕРТВЫ ОБЛАВЫ

Крупные чёрные буквы сразу оторвали его от летних грёз.

Согласно данным Статистического Отдела Всеобщего Собачьего Общества, за 4 дня, в которые была проведена облава, в посёлке и прилегающих деревнях было убито в общей сложности 261 и ранено 74 собаки. Кроме того, было убито 14 кошек...

Буран бросил газету и в возбуждении, не помня себя, прошёл к бревенчатой стене дома и вернулся обратно, на вытопанную около конуры площадку. Здесь было нечисто, на снегу тут и там краснели пятна вылитого борща, валялись кости, шерсть и консервные банки с замёрзшими остатками консервов.

– Да что ж это делается, – вдруг не своим, охрипшим голосом выговорил Буран. – Так ведь всех собак убьют.

Он постоял минуту неподвижно.

«Всех не убьют, – подумал он, снова беря газету. – Но что-то делать надо. Облава не первая и не последняя. Что же делать? Что же я могу сделать? 261 пёс и собака убиты. А что делают счастливчики, оставшиеся в живых? 275 собираются в каком-то дурацком Круглом лесу, про который даже я не слышал, видать, где-то около посёлка З., что-то отмечают... трезвого ни одного. Разгромили газету – газета дрянь, конечно, но это всё равно варварство, – думал Буран, глядя на трясущийся подвесной мост. – Разогнали котов. Молодцы, нечего сказать, герои!.. А драка в Сейном лесу – это у нас тут недалеко... На дне рождения Аргуса Завойского, дьявол его задери, тоже по пьянке восьмерых покалечили. Словно сговорились с людьми, которые, в свою очередь, как ни в чём ни бывало, убивают 261 пса и собаку».

Из 261 убитых – бездомных собак 255. Убиты 5 псов и 1 собака, имевшие хозяев. Это Полкан ЗАСКОКОВ (Сев.-Зап. объедин. общ.), Арто ВЗРЫКОВ (Центр.), Восток УЗНАЕВ (Сев.-Вост. Лесное), Шарик ДВУКОГТЕВ (Зап. Бор.), Мухтар КРАПОВ (Приречн.) и Линда ПРОЛАЙСКАЯ (Приречн. общ.).

– Как! – вскричал Буран, не веря своим глазам. – Линда – убита?! Она же всего лишь ранена. Её наши дотащили до дома. Не может быть...

Буран перевернул газету. В углу четвёртой полосы среди прочих он увидел и маленькую чёрную рамку:

Линда ПРОЛАЙСКАЯ

Приречное общество

Зап./сиб. лайка

Будучи тяжело раненной в позвоночник, была доставлена друзьями домой.

Вышедший на плач раненой собаки хозяин убил её выстрелом из ружья в голову.

ВСЕПЁС выражает глубокое соболезнование родственникам погибшей и руководству Приречного общества.

Глава 10. 261

Буран не обернулся, услышав хруст снега за своей спиной. Только один пёс мог проникнуть в его огород не через куриный лаз и двор, а прямо через потайную дыру под забором, там, где росли кусты малины, – иначе Буран увидел бы его, так как сидел мордой к калитке, – и только под лапами Ёшки снег мог трещать так безалаберно.

– Ёга, – сказал он прежде, чем тот успел открыть пасть, – возьми эту газету и прочитай на первой странице, что там написано.

Буран слышал, как Ёшка (недоумённо и нарочито развинченно) взял газету. Минуту он молчал.

Буран обернулся к нему и увидел, что газета дрожит в лапах Ёшки. Ёшка смотрел на чёрную рамку в углу четвёртой полосы.

– Ёга, – сказал Буран твёрдо, – ведь погибла не только Линда. Переверни газету. Погибла 261 собака и пёс.

Буран посмотрел в глаза Ёшке. Ёшка поспешно отвернулся, но Буран успел заметить, что левый глаз у Ёшки основательно подбит, морда изрядно расцарапана и потрёпана (причём далеко не только котами, отметил Буран) и в одном месте заклеена загрязнившимся лейкопластырем.

Буран встал и вытащил из конуры пачку прочитанных газет.

– Ты был в Круглом лесу? – спросил он, глядя в упор на Ёшку.

– 261 пёс и собака убиты за четыре дня, а сотни ужираются вусмерть, грызут друг другу плотки в Сейном лесу, гоняют каких-то паршивых котов – да на кой они вам сдались, дьявол вас побери! – Буран говорил всё громче и всё больше выходил из себя. – Два дня назад нас люди картечью разогнали по всей реке, убили Мухтара, одного когтя которого ты, болван, не стоишь, ранили Линду, которую потом добил собственный хозяин, убивают столько собак, чтобы увезти их к Николаевке и свалить, как мёрзлые чурки, в карьер, а тебя... Вытаскивают из-под льда мертвецки пьяным. И всё такое. Лучше б уж ты там, подо льдом, и остался!

– Этого не было, это неправда, это был не я, – бормотал Ёшка, – это был Лай Псинский, мы с ним очень похожи...

– Да ты ври, да не мне! – Буран, совсем выйдя из себя, кричал уже так, что два кота, сидевших на мосту, испугавшись, спрыгнули с четырёхметровой высоты в глубокий снег. – К твоему сведению, я знаю всех собак в посёлке и в деревнях, и никакого Лая Псинского не существует в природе!!

– Ну, остался бы я подо льдом, было бы 262, – вдруг спокойно и решительно сказал Ёшка, вставая. Он отошёл и снова взял газету. – Что от этого изменится? Что ты орёшь? Что мы можем сделать против людей? Смешно даже. Вообще ничего. Всегда так было. Облавы всегда были, а потом всем была нужна разрядка... Чего от псов требовать-то. Всегда так было, и будет...

– Что предлагаю?.. – Буран почувствовал, что весь его гнев куда-то стремительно исчезает, и замолчал. – Что предлагаю... чёрт его знает. Я не знаю, Ёга. Но пойми, что это...

– Да ясно, ясно, – раздражённо махнул лапой Ёшка. – Виноват я кругом. Молодой ещё, глупый. Ты меня воспитываешь плохо, а родители мои умерли. Больше не будет. Только здесь действительно наврано много. Например, котов...

– Ёга, – сказал Буран, оцепенело глядя на смятые газеты, – где Рольф?

– Рольф? – Ёшка недоумённо посмотрел на Бурана. – А, правда, где же Рольф? Я его не видел... да с тех пор, с собрания в Голубниках. Все разбежались – и я его больше не видел.

– Может, его тогда тоже убили? – сказал Буран. – Ведь никто ещё не знает, что он член нашего общества. Бродячий и бродячий. Или снегом занесло где-нибудь раненого, или провалился в полынью...

– Сколько времени? – перебил его Ёшка. – Газет вечерних ещё не было? Уже есть 11 вечера?

Словно в подтверждение его слов, через забор в огород влетел свёрток газет, брошенный пробежавшим мимо почтовым псом.

– Сейчас мы прочитаем, что его убили, – сказал Буран, поднимая газеты и стряхивая с них снег. – Чёрт, как темно.

Ёшка достал из-за ошейника маленький фонарик, неведь откуда у него взявшийся и неведь как не потерянный где-нибудь в Круглом лесу, и включил его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.